

Чернявский А.Г.

Неправда, друг не умирает!

Хабаровские письма Константина Симонова

Александр Григорьевич Чернявский (1936), – известный хабаровский журналист, писатель, член Союза писателей России (2000). С 1964 года работал в хабаровском «Молодом дальневосточнике» литсотрудником, ответственным секретарем. С 1972 г. - в краевой газете «Тихоокеанская звезда», куда был приглашен на должность ответственного секретаря. Долгие годы возглавлял отдел культуры. Сейчас – обозреватель газеты. В сфере его интересов – проблемы культуры, художественная жизнь города и края, интересные личности, хроника жизни Хабаровского края, произведения дальневосточных литераторов. Автор книг: «Есть у памяти начало» (1988), «Не поросло быльем бывшее» (1998), «И не забудет новый век: портреты без автографов» (2001), «Неслучайные встречи» (2003), «Забвению не подлежит: очерки, беседы, этюды разных лет» (2006), «Царская Голгофа» (2009). А. Г. Чернявский – заслуженный работник культуры РФ. В 2003 г. за книгу очерков «Неслучайные встречи» он получил премию администрации Хабаровского края. Лауреат премии "Золотое перо" (2007 г.)

Перебирая мысленно разрозненные факты, пытаюсь выстроить их в логическую цепочку, связать друг с другом. Чтобы проследить закономерности происшедшего, что предопределено было сложившимися обстоятельствами, теми или иными моментами, какие просто не надо объяснять. Перечитываю книги писателя: книги-документы, в них отражена, осмыслена сама жизнь, различные ее явления, факты. Симонов, начав свой путь в литературу со стихов, писал в дальнейшем повести, романы, драмы. И всегда оставался публицистом. Суровая и мужественная школа военного корреспондента, очевидно, сказывалась — ему было необходимо активное познание сегодняшнего дня, современной жизни, ее разноликих проявлений, исследование человеческих характеров. Не случайно он ездил много по родной стране, за рубеж.

Побывал Симонов и на дальневосточной земле. «Признание в любви», «Первостроители» — эти путевые заметки писателя помещены в книге «Остаюсь журналистом», они помечены апрелем — маем 1967 года. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск, Владивосток, Магадан, Солнечный, Уссурийск, Провидение — вот некоторые адреса его поездок. Это был дальневосточный год писателя-публициста. В городе юности он побывал накануне его 35-летия. «Впервые я очутился на его ули-цах в разгар рабочего дня и удивился их пустынности. Но это была особая пустынность — города, в котором все работают, в котором мало досужих людей. Так уж издавна сложился его быт».

В «Признании в любви» он писал: «Может быть, я когда-нибудь еще напишу книжку о Дальнем Востоке, а пока мне остается только признаться в любви с первого взгляда к этому краю, где с особенной остротой вспо-минаешь о молодости. Не только потому, что именно в этом крае встречаешь особенно много молодых, но и потому, что это такой край, где хочешь начинать жизнь, куда хочется приехать двадцатилетним».

Как точно и емко это сказано! И главное — спра-ведливо: наша дальневосточная земля для утверждения человеческой личности очень подходяща. Только будь на ней добрым хозяином, человеком...

Несколько дней Симонов провел в Хабаровске. Поз-же он записал свои впечатления о городе: о заключительном концерте смотра художественной самодеятельности (очевидно, зонального), поражался самобытному искусству народов, населяющих Дальний Восток; лаконично зафиксированы встречи с писателями Хабаровска, в краеведческом музее, с воинами, которым читал стихи. А заключительные странички Константин Михайлович посвятил Хабаровску:

«Если глядеть на Хабаровск с Амура, то город похож на человека, вышедшего к огромной реке, и, удивившись и обрадовавшись, широко раскинул большие натруженные руки... Если смотреть на Хабаровск не с реки, не со стороны, а изнутри, проходя по его улицам, то все равно удивительное ощущение просторности города не исчезает, остается. Широкие улицы идут с холма па холм, то поднимаясь, то опускаясь. Влетают в просторные площади и снова неторопливо вытекают из них. В то же время есть в этой просторности и какая-то своя, дальневосточная строгость».

Пожалуй, слово «строгость», которое нашел писатель, передавая свои ощущения от знакомства с Дальним Востоком, наиболее определяющее из всех других. Вот другая попытка Симонова обозначить характер города: «О Хабаровске можно в этом смысле сказать, как о человеке, в нем есть военная косточка. Пожалуй, нет другого края в нашей стране, где бы — как здесь — до такой степени привыкли пахать и строить, держа под рукой винтовку. Это было вынужденно, но за десятилетия стало частью характера и дальневосточных людей и дальневосточных городов.

Хабаровск-город — военная косточка. И КВЖД, и Хасан, и Халхин-Гол — все это было, если исходить из дальневосточных представлений о расстояниях, рукой подать отсюда».

Да, все было так. И военную косточку в характере нашего города, как впрочем и других, необходимо было сформировать и закалить. Не потому ли так остро и точно ощутил все это Симонов, что и свой личный боевой опыт военного он получил на Халхин-Голе, а одна из первых его пьес — «Парень из нашего города» — написана перед Великой Отечественной и была наполнена беспокойством о завтрашнем дне?

Это подтверждается поступками писателя. В 1969 году беспокойство о судьбе мира привело специального корреспондента Симонова на дальневосточную границу, на остров Даманский. В своих раздумьях о горькой нелепости происшедшего, которые Симонов назвал «Мысли вслух», он напишет такие слова: «В конце концов — на земле нет ни чужих могил, ни чужих вдов, ни чужих слез. Все слезы на земле — человеческие слезы».

Предвоенной пьесе Симонова «Парень из нашего города» суждено было установить нить связи с Хабаровском... Но об этом — потом. Воспоминания известного советского писателя Евгения Воробьева, близкого друга Симонова, называются «Самая трудная должность» и посвящены Константину Михайловичу, разным эпизодам его творческой биографии. Завершая свои заметки, Воробьев рассказывает об их совместной поездке с Симоновым из Красной Пахры в больницу. Они ехали в машине по Старо-Калужскому шоссе и в дороге, пишет Воробьев, «...чтобы увести его подальше от тревожных догадок, затеял разговор о том, что хорошо бы выпустить граммпластинку с песнями на его стихи.

Незадолго до окончания сезона мы провели в ЦДЛ вечер из серии «Советские полководцы». В художочном дивертисменте, которым иногда сопровождаются такие вечера, выступала певица. Она исполнила песню «Как служил солдат службу ратную», а перед тем объявила: «Музыка Блантера, слова народные».

— Ну и прекрасно объявила! Как ты не понимаешь? Самая большая похвала автору, какая только может быть. Слова народные! Польщен и рад ее ошибке.

Я гнул свое и вспомнил песни, которые могли бы составить диск поэта Константина Симонова: «Как служил солдат службу ратную», «Жди меня», «Песня фронтовых корреспондентов», «Чемодан» и «Давай споем, подруженька-гитара» Матвея Блантера, «Я помню в Вязьме старый дом», «Седина» и песни Модеста Табачникова из спектакля Товстоногова «Четвертый», цикл, или, лучше сказать, «венки песен», сочиненных талантливым ансамблем Хабаровского театра юного зрителя к спектаклю «Парень из нашего города».

— Вместо того, чтобы сочинять свои долгоиграющие прожекты, ты бы лучше пригубил несколько куплетов из моей «Фляги»...

Отличную песню по эти строки сочинили дальневосточники и прислали автору пленку. В Москве, кажется, только я помнил мелодию, а слова знал еще со времен войны. В последние годы я эту песню нередко напевал Симонову, нравилась обоим.

Успел я пропеть: «Когда в последний путь ты отправляешь друга....» — и только тогда содрогнулся».

Эта поездка состоялась 23 июля, а 28 августа 1979 года Симонова не стало...

Я прочитал строчки о «Фляге», Хабаровске — и остро мелькнула догадка: ведь слушал же и я эти песни! И совсем недавно! В конце зимы на дне животноводов в Хабаровском совхозе заслуженные артисты РСФСР Игорь Желтоухов и Юрий Тихонов, актеры театра музыкальной комедии, под гитару пели дояркам «Как служил», «Флягу» и другие песни на стихи Симонова. А вот спросить у них, откуда им знакомы эти душевные песни — не удосужился.

Звоню по телефону Игорю Евгеньевичу Желтоухову. Спрашиваю, когда были созданы песни, кем. Пересказываю подробно прочитанное в «Новом мире». Артист тут же называет имя композитора, подсказывает, что у него должны сохраниться письма Симонова.

Письма Симонова в Хабаровске?!

И вот — встреча с Валентином Павловичем Баршиновым, бывшим в ту пору главным музыкальным специалистом краевого театра драмы, заведующим музыкальной частью, как говорят в театре. Человека этого знаю давно, но даже подумать не мог о том, что это ему писал письма Константин Михайлович Симонов. Сидим вдвоем в небольшом репетиционном зале. Днем в театре тихо, безлюдно. И все же, чтобы нам никто не помешал, Баршинов

поворачивает ключ в двери. Он выкладывает на стол большой желтый конверт. И я догадываюсь: в нем письма. Не спешу брать их в руки — вначале надо порасспросить поподробнее обо всем Баршинова. Вопросов к нему у меня много.

И вот я слушаю неторопливый рассказ об удивительной судьбе некоторых песен Константина Симонова.

— Припомнить надо год 1968-й. Тогда Валерий Александрович Шаврин, будучи главным режиссером Хабаровского ТЮЗа, где я работал, задумал ставить спектакль по пьесе Симонова «Парень из нашего города». Чем привлекла его пьеса — судить не берусь, но, очевидно, высокой своей духовностью, социальным оптимизмом. Ему хотелось связать в спектакле два времени — прошлое и настоящее. Шаврин был не только одаренным актером, режиссером, но и драматургом, членом Союза писателей СССР. Пьеса Симонова его вдохновляла на постановку, но как увязать ее содержание с сегодняшним днем, какие мостки перекинуть в него из былого? Шаврин долго над этим думал, прежде чем приступить к репетиции. Однажды заводит он со мной разговор о музыкальном оформлении спектакля и спрашивает, не возьмусь ли я сочинить музыку на стихи Симонова. И тут же познакомил меня с отобранными стихами, их было семь — по числу картин в спектакле, и попросил попробовать.

Какие это были стихи? «Новогодний тост», отрывок из «Хозяйки дома», «Северная песня», «Фляга», «Не сердитесь, к лучшему...», «Всю жизнь любил он рисовать войну», «Фотография». По замыслу режиссера это должны были быть песни-прологи к каждой картине спектакля.

К просьбе Шаврина я отнесся как к обычному режиссерскому заданию. Прошло совсем немного времени. Я довольно быстро работал, поэзия Симонова была мне очень близка, понятна, она не оставляла человека равнодушным, трогала душу, волновала. Между тем были назначены актеры на роли, пошли репетиции. Сочинилась у меня музыка к шести стихотворениям, а на седьмом деле застопорилось. И надолго. Тот самый отрывок из «Хозяйки дома», который начинался словами: «Подписан будет мир, и вдруг к тебе домой, к двенадцати часам, шумя, смеясь, пророча, как в дни войны, придут слуга покорный твой и все его друзья, кто будет жив к той ночи...» Этот отрывок оказался прямо-таки неподдающимся. Я сочинял одну мелодию, другую, пятую, но все было не так. Они выбивались из найденной стилистики первых шести песен. Ни одна из них мне не нравилась. Наконец, я сочинил очередную мелодию, которая мне самому показалась будто бы хорошей. Наиграл ее, как всегда, жене, первому своему слушателю и ценителю. Она говорит: песня неплохая, но хуже прежних, не такая.

Опять неудача?! Что делать? А в театре уже объявлена премьера, Шаврин требует от меня последнюю песню, те шесть разучивают актеры — Игорь Желтоухов, Сергей Лычев, Яков Клид, Сергей Перекальский... А последней нет! Выслушав мое очередное и довольно невразумительное объяснение о том, что у меня, видимо, иссяк творческий порыв, Шаврин велел извлечь из корзины отвергнутый женой вариант. Я принес на репетицию ноты, сыграл. Шаврин слушал молча. Потом сказал:

«Знаешь что, дорогой, иди и работай без передыху. Как только что-то будет получаться — звони мне домой, в театр, ночью ли, днем!»

Я вновь засел за инструмент.

Мелодия пришла глубокой ночью, к тому времени я уже и спал плохо из-за постоянных неудач и потому работал дома по ночам. Потихоньку наиграл несколько раз пойманную мною мелодию. Мне показалось, что она жила во мне всю жизнь, но теперь я освободил ее на волю из своего сердца. Я понял: это она!

Принял ее и Шаврин. Цикл песен-прологов к спектаклю был готов.

И вот премьера...

Человек в театре я вроде бы искушенный, но та премьера была какой-то ошеломляющей для нас, создателей спектакля. Как только ансамбль стал петь «Новогодний тост», где есть такие слова: «Своей судьбе смотреть в глаза надо», — зал встал и стоя слушал песню. Редко такое бывает на спектаклях.

Не помню, сколько продержался спектакль в репертуаре ТЮЗа. Далее события развивались так. Узнав каким-то образом о постановке своей пьесы в Хабаровске, Константин Михайлович Симонов прислал поздравительную телеграмму коллективу театра. Вскоре приехала в Хабаровск министерская комиссия, в составе которой были театроведы, они дали спектаклю хорошую оценку. Так бы, очевидно, все и осталось забытым, не окажись в музыкальном оформлении спектакля одной детали. После окончания действия, пока зрители одевались, в фойе из динамика звучали те самые песни, которые исполнялись в спектакле. Для этого мы записали их на магнитофонную пленку и крутили каждый раз...

Так родился «веночек песен», сочиненных талантливым ансамблем из Хабаровска. Но как все же эти песни стали известны Симонову? Директором ТЮЗа в то время был. Дмитрий Исаевич Малинкович, он-то и направил в адрес Симонова записанные на ленту песни из спектакля.

Как воспринял их писатель? Не будем строить предположений — Симонов выразил весьма определенное отношение к своим хабаровским песням в письме на имя Валентина Баршинова. Это первое письмо, оно небольшое, и я приведу его полностью:

«Дорогой товарищ Баршинов, простите, что обращаюсь к Вам без имени и отчества, но, к сожалению, знаю только Ваши инициалы.

Я получил пленку с Вашими песнями, и она доставила мне много хороших минут. Я человек в музыке малограмотный и, к сожалению, плохой ценитель ее, но для меня из Ваших песен дороже всего «Фляга». Мне уже много лет было жалко, что на эти стихи не написана музыка. Мне особенно понравился также «Новогодний тост». С удовольствием слушаю все другое, но пишу Вам о том, что мне самому показалось самым интересным. Хотя, быть может, я и не прав.

На радио предполагают вечер песни на мои слова. Я дал им Вашу пленку с тем, чтобы они выбрали. Еще раз большое спасибо Вам, а также всем товарищам, которые поют эти песни.

Уважающий Вас Константин Симонов

29.1.69».

Потом эту пленку на радио в Москве то ли затеряли, то ли заиграли, и огорченный писатель обратился к композитору за помощью. А в апреле того же года он прислал Баршинову небольшую книгу — «25 стихотворения и одна поэма» с дарственной надписью: «Дорогому Валентину Павловичу на добрую память с дружеской признательностью за Ваши песни на мои стихи. Ваш К. Симонов. 12.1V.69». Четкий, крупный летящий почерк Симонова ручкой или фломастером—лишь в надписях на книгах и в двух письмах. Все остальные были напечатаны на машинке.

— Вскоре, — вспоминает Валентин Павлович, — Симонов прислал мне роман «Последнее лето». Прочитав его, я написал коротко Константину Михайловичу

о своих впечатлениях. Вообще, хочу сказать, что наша переписка не носила какого-то целенаправленного характера. За пять лет я получил от Симонова десять или двенадцать писем. Ни я, ни тем более, очевидно, Симонов, не придавали этому особого значения. К сожалению, не все его письма у меня сохранились. А к песням своим я так и продолжал относиться: просто выполнил свое дело, что особенного — помог режиссеру создать спектакль. Понравилась Симонову? Хорошо. Приятно, конечно. Но вот знать бы, что он так полюбил «Флягу» и слушал ее незадолго до смерти! Признаюсь, отзыв Симонова заставил меня взяться за сочинение новых песен на его стихи. Их сейчас уже двенадцать, хотя поются не все. Одна из последних песен — «Если бог нас своим могуществом...»

Вот еще письмо Симонова, судя по штемпелю на конверте, присланное в августе 1971 года. В нем новый подарок — тоненькая, в обложке цвета красного знамени книжечка «Вьетнам, зима семидесятого...» В письме — просьба: «Дорогой Валентин Павлович! Я испытываю чувство большой неловкости, вновь обращаюсь к Вам за помощью. Но дело в том, что диск с пленкою песен — которые Вы так дружески внимательно прислали мне — у меня подло сперли на радио. И я остался только с переписанной очень грязно технически кассетой «Филиппса».

А радио — не то, плохое, а другое — хорошее (речь идет о разных редакциях), снова просит песни и хочет делать передачу, прослушав их с моей кассетки хрипатоЙ.

Помогите еще раз, а? И мне, и этому теперь уже, как они уверяют, хорошему радио. Крепко жму руку. Ваш К. Симонов. Высылаю Вам свою последнюю книжечку. К. С.»

На книжке — знакомый почерк, слова написаны фломастером: «Валентину Павловичу Баршинову от благодарного за песни автора этой книжки. Ваш К. Симонов. 20.VIII. 71».

Книга стихов, проиллюстрированная фотографиями двух войн — Великой Отечественной и во Вьетнаме, открывалась стихом-прологом:

...Не пишется проза, не пишется,

И, словно забытые сны,

Все рифмы какие-то слышатся

Оттуда, из нашей войны.

Прожектор, по памяти шарящий,

Как будто мне хочет помочь —

Рифмую «товарищ» с «пожарищем»

Всю эту бессонную ночь...

Далее шла новая лирическая поэма Симонова «Чужого горя не бывает...»

Просьбу писателя Баршинов выполнил. 18 ноября 1971 года Симонов сообщает в Хабаровск; «Дорогой Валентин Павлович, вернувшись из Югославии, застал Ваше письмо и лежащие на столе пленки. Большое Вам спасибо за Ваше дружеское внимание.

Я очень много раз слушал — и сам и вместе с друзьями — Ваши песни. Они чем дальше, тем больше мне нравятся.

Спасибо Вам за них.

Я очень рад тому, что Вы написали мне о Ваших новых замыслах.

Сейчас я написал несколько стихотворений, связанных с тридцатой годовщиной войны. Не прямо, конечно, а так — в мыслях и чувствах.

Посылаю Вам одно из них — вдруг пригодится. А не пригодится — так просто примите на память...»

К письму приложено напечатанное на машинке стихотворение без названия. Вот оно:

Тот самый длинный день в году

С его безоблачной погодой

Нам выдал общую беду

На всех, на все четыре года.

Она такой вдавила след

И столько наземь положила,

Что двадцать лет

и тридцать лет

Живым не верится, что живы.

А к мертвым — выправив билет,

Все едет кто-нибудь из близких,

И время добавляет в списки

Еще кого-то, кого нет...

И ставит,

ставит

обелиски.

Константин Симонов

19.1X.71 г.

Упоминание Симонова о творческих замыслах Баршинова — его новая работа над песнями на стихи писателя, помещенные во вьетнамском сборнике, в частности — над «Дежуркой».

В ту пору Валентин Павлович из ТЮЗа перешел работать в краевой театр драмы, и Симонов, потеряв, очевидно, его адрес, звонил однажды из Москвы в оба театра, разыскивая Баршинова. В театре драмы на ночной звонок женщина-вахтер, не разобравшись, дала Симонову домашний адрес актрисы, фамилия которой начинается с тех же букв, что и Баршинова.

И все же писатель нашел композитора, им несколько раз удалось поговорить по телефону.

— Говорил Константин Михайлович медленно, не спеша, — рассказывает Баршинов. — Он как будто думал, подбирая слова. Обязательно спрашивал о работе, о самочувствии. Иногда просил прислать записи новых песен, если такие есть, да и старые приходилось обновлять — пленка со временем размагничивается.

Они могли бы встретиться, когда Симонов прилетал в качестве специального корреспондента на дальневосточную границу. К сожалению, это оказалось невозможным. Он побывал в районе Даманского, на других заставах. Потом написал размышления о том, что видел, что понял, в своих заметках — «Мысли вслух».

Они не встретились. Но в Хабаровск еще приходили письма Симонова. Баршинов, перечитав подаренный ему сборник «Вьетнам, зима семидесятого...», остановился, напомним, на стихотворении «Дежурка», стихотворении о вьетнамских летчиках, которые ждут боевых вылетов. Заканчивалось оно так: «Сидят ребята, ждут ракеты, как мы когда-то, в России где-то...»

Баршинов сочинил в этот раз две новые песни и, записав их на пленку, послал Симонову.

29 мая 1972 года Константин Михайлович ответил ему письмом:

«Дорогой Валентин Павлович, получил Ваше письмо. Простите, что не сразу отвечаю. Был в отъезде. Я получил Ваши две «вьетнамские» песни и, по правде говоря, не написал Вам сразу про них, потому что заколебался — как написать?»

Ваши песни к «Парню» и Ваша передача, записанная с помощью радио (концертная передача песен Баршинова на стихи Симонова), которую я два раза слушал с пленки, как говорится, дошли до самой души и печенок. А «вьетнамские» песни, как мне показалось — не получились. Вот мне и трудно было это написать.

А сейчас собрался с духом и пишу. Видимо, в таких вещах нельзя кривить душою.

Только не обижайтесь на меня, ладно?

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Константин Симонов»

Валентин Баршинов не обиделся, понимая, что написать хорошую песню не просто. Он признается, что очень многие его замыслы, связанные с поэзией Симонова, завершились неудачами. Процесс этот естественный и объяснимый. Композитор перечитывал стихи Симонова, искал, пробовал подбирать мелодию. Знал — неудачи чередуются с озарениями, потому и не опускал

рук.

Стихотворение «Если бог нас своим могуществом...» Симонов написал в 1941 году. Любил читать его на различных вечерах, встречах. Евгений Воробьев вспоминает эпизод, происшедший с Симоновым в Курске, на городском вечере поэзии. Симонов, читая это стихотворение по памяти, перепутал строки. «И нужно было слышать, как зал стоусто, с громогласным наслаждением проскандировал эти строки: «Ни любви, ни тоски, ни жалости, даже курского соловья, никакой самой малой малости на земле бы не бросил я...» Читал Симонов эти стихи и с экрана телевизора. Знал их, любил и Баршинов. Но они не давались ему. Песня требовала особой формы музыкального выражения. И она была найдена, музыка написана, и песня получилась. Ее запели. Решился Баршинов записать ее на пленку и направить Симонову. И даже сделал первую запись, но ему не понравилось музыкальное сопровождение, в исполнении оставались шероховатости. Не захотел такую запись посылать. И не успел — Симонов этой песни уже не услышал...

Последнее из сохранившихся хабаровских писем писателя короткое, написано оно от руки:

«Дорогой Валентин Павлович! Спасибо Вам за добрые поздравительные слова (по случаю Праздника Победы). А за песни — особо. Буду предпринимать соответствующие шаги на предмет издания.

Выясню — напишу.

Здоровья Вам и счастья!

Ваш Константин Симонов. 22.V.74».

Спрашиваю у композитора: почему же не сохранились все письма Симонова? Баршинов сожалеет сейчас об этом — он давал их исполнителям, которые перед концертами приводили строки из них, показывали слушателям. Так и затерялось несколько писем.

— Когда я прочитал воспоминания Воробьева в «Новом мире», — говорит Баршинов, — понял, что остался в долгу перед Симоновым — этим большим человеком. Мог бы, наверное, порадовать еще не только полюбившейся ему «Флягой». Пусть его памяти будут служить те песни, которые поют сейчас, и новые, которые я постараюсь сочинить.

Теперь уже почти два десятилетия живут песни на стихи Симонова, созданные в Хабаровске. Почему поэт ценил их и просил композитора присылать новые?

Вот как объясняет это бессменный их исполнитель, заслуженный артист РСФСР Игорь Желтоухов:

— Мы поем с Юрием Тихоновым девять песен на стихи Симонова. Пять из них композитора Баршинова. Любая аудитория — а мы пели их от Камчатки до Прибалтики — принимает песни с теплом и интересом. В чем их успех? Поэзия Симонова — это глубина, искренность человеческих чувств. Она очень сурова, мужественна и очень человечна — наполненная добротой, любовью к людям. Симонов много писал не просто о войне, о жизни, о смерти — он писал о человеке на войне.

Валентин Павлович Баршинов сумел проникнуть в самую суть его поэтического духа, он как бы раздвинул слово, наполнив его музыкой. Это очень точное попадание в цель, оно бывает, может быть, один раз в жизни...

Прав, конечно, артист. Но есть нечто другое, объединяющее этих людей. Поэт и композитор — одного поколения, через их судьбы прошли одинаковые события, одинаковые испытания выпали на их долю, одно время формировало их мировоззрение, нравственные основы, закалило души. Их объединяло духовное родство.

Валентин Павлович Баршинов — музыкант-самородок. Он родился в большой семье вятского деревенского кузнеца. Казалось, суждено ему было принять в

Наследство отцовское огненное ремесло. Но в роду Баршиновых, кроме умения горячейковки металла, из поколения в поколение передавалась любовь к музыке. Почти все мужчины Баршиновы славились в деревне Сива как музыканты. Младший сын унаследовал и трудное ремесло рода, и окрыленность его духовного богатства. Новое время внесло поправки в судьбу крестьянского парня. С семнадцати лет он на военной службе. Великую Отечественную встретил кадровым бойцом на дальневосточной земле. Участвовал в разгроме японских милитаристов, с боями дошел до Харбина. После демобилизации был приглашен в театр Южно-Сахалинска, затем переехал в Хабаровск, в ТЮЗ, и почти полтора десятилетия трудился в театре драмы краевого центра. Музыка заполнила всю его жизнь. Она стала работой, призванием, состоянием души. Около ста спектаклей музыкально оформлены Баршиновым. Им написаны партитуры к музыкальной комедии «Муха-цокотуха», которая идет в театрах страны уже около двух десятилетий, он написал музыку для мюзикла «Антошка и гармошка», к нескольким водевилям: «Вирус любви», «Водевиль как водевиль», «Мизантроп» и другие.

...Две музы, две сестры — поэзия Симонова и музыка Баршинова — сплелись ветвями, слились голосами. Они стали песнями солдат Отечества — живых и мертвых.

1984—1987 гг.

Источник: Чернявский А. Г. Неправда, друг не умирает!: Хабаровские письма Константина Симонова / Чернявский Александр Григорьевич // Есть у памяти начало: очерки. - Хабаровск, 1988. — С. 5-20.